

2. Замалеев, А. Ф. Лекции по истории русской философии: в 2 ч., Ч.I: XI - начало XX в. Учебное пособие / А.Ф. Замалеев. – СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 1994. – 172 с.
3. Иларион «Слово о Законе и Благодати». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona> (дата обращения: 09.11.2018).
4. Летопись русской философии. 862-2002 / Редактор-составитель профессор Александр Замалеев. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 2003. – 352 с.
5. Повесть временных лет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 10.11.2018).

Макаров И.В., преподаватель Барнаульской Духовной Семинарии, аспирант АлтГПУ
Ан. С.А., доктор филос.н., профессор кафедры философии и культурологии
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ В ТРУДАХ БОГОСЛОВОВ «ПАРИЖСКОЙ ШКОЛЫ»

Аннотация. *Статья посвящена проблеме границ церкви в религиозно-философских трудах представителей «парижской школы» русского богословия. Мы обращаемся к теме границ церкви на фоне разворачивающихся общественно-политических событий в Украине, где в данный момент острой является проблема церковной идентичности. В работе представлена и современная интерпретация «евхаристической экклезиологии».*

Ключевые слова: Парижская школа, евхаристическая экклезиология, русская религиозная философия, границы церкви.

Макаров И.В.,
Ан С.А.

EUCHARISTIC ECCLESIOLOGY IN THE WORK OF THE "PARIS SCHOOL" THEOLOGIANS.

Abstract. That article is devoted to the problem of the boundaries of the church in the religious and philosophical works of representatives of the "Paris school" of Russian theology. We are addressing the issue of the boundaries of the church against the background of unfolding social and political events in Ukraine, where the problem of church identity is currently acute. The work also presents a modern interpretation of "Eucharistic ecclesiology".

Keywords: Paris School, Eucharistic ecclesiology, Russian religious philosophy, church boundaries.

Своим возникновением «парижская школа» обязана революционными изменениями в России в начале XX, ее видные представители покинули родину на тех самых «философских пароходах» и образовали островок русской культуры и науке в Париже. Богословская наука в самой России была на долгие десятилетия уничтожена, но на Западе нашим соотечественникам осуществить синтез между Европейской наукой и русской религиозно-философской мыслью: этим мостом стало богословие русского Зарубежья – изыскания учителей и учеников т.н. «парижской школы». Оказавшись в непростых условиях, тем не менее им удалось сохранить традиции русской религиозной философии в новой среде. Встреча с культурой Запада оказалась весьма плодотворной и способствовала взаимообогащению. Представители «парижской школы» смогли не только заново переосмыслить свои религиозно-философские традиции, но и познакомили с ними Западный мир, на понятном ему языке.

Первым термин "Евхаристическая экклезиология" вводит видный представитель русской религиозно-философской мысли за рубежом прот. Николай Афанасьев. К настоящему моменту это целая область современного богословия имеющая свои традиции и последователей, в нашей работе мы упомянем наиболее ярких из них: ученика и продолжателя автора направления о. Александра Шмемана, проф. архимандрита Киприана (Керна) и греческого богослова Иоанна Зизиуласа. данное направление богословской мысли настаивает на первичности евхаристии и евхаристического собрания для бытия церкви. Она утверждает, что церковь воплощается, актуализуется в евхаристическом собрании, где нет собрания, нет и церкви, как института. Иными словами, она отождествляет, прежде всего и по преимуществу, церковь с евхаристией. Это отождествление, нередко служащее поводом для критики "евхаристической экклезиологии" и, как правило, утрируемое ее критиками, не означает отрицания других проявлений церкви. Оно лишь подчеркивает, что в церкви сущность, а что атрибут, без чего церкви не может быть, а без чего она продолжает оставаться церковью.

Сегодня история ставит перед нами новые вызовы: еще совсем недавно отношения и структура поместных православных церквей не вызывала интереса у широкой общественности ввиду того, что церковь Христова далека от политики. Последнее время тема границ церкви стоит на верхних полосах СМИ и интернет порталов и блогов. Катализатором такого интереса стала непростая ситуация в важной части русского православного мира — украинской церкви. Руководствуясь политическими интересами, а не церковной традицией т.н. Вселенский патриархат усугубил раскол внутри украинского христианского мира. Заявление священного синода Русской Церкви от 15 октября 2018г. Начинается такими словами: «С глубочайшей болью Священный Синод Русской Православной Церкви воспринял опубликованное 11 октября 2018 года сообщение Константинопольской Патриархии о принятых решениях Священного Синода Константинопольского Патриархата: о подтверждении намерения «предоставить автокефалию Украинской Церкви»; об открытии в Киеве «ставропигии» Константинопольского Патриарха; о «восстановлении в архиерейском или иерейском чине» лидеров украинского раскола и их последователей и «возвращении их верующих в церковное общение»; об «отмене действия» соборной грамоты Константинопольского Патриархата 1686 года, касающейся передачи Киевской митрополии в состав Московского Патриархата.

Эти незаконные решения Синод Константинопольской Церкви принял в одностороннем порядке, проигнорировав призывы Украинской Православной Церкви и всей полноты Русской Православной Церкви, а также братских Поместных Православных Церквей, их Предстоятелей и архиереев к всеправославному обсуждению вопроса» [1].

Мы видим, что на первый план сейчас выступает проблема границ Церкви, которая довольно ярко раскрывается в евхаристической экклезиологии. Ведущие богословы «Парижской школы» русского зарубежья уже во второй половине XX рассматривали вопрос церковно устройства через призму Евхаристии. Далее мы попытаемся представить концепции данных авторов.

«В самом полном смысле понятие Церковь Христова подразумевает собрание под единой Главой – Господом Иисусом Христом всех православных христиан, живущих и умерших (Лк. 20:38), соединенных между собою верою и любовью Христовой, священноначалием и святыми Таинствами»[6] — данное определение можно встретить в любом православном катехизисе или энциклопедии. Но такого подробного определения мы не находим у раннехристианских авторов. Почему? Видимо в первые века верующие не нуждались в каких-либо определениях, т.к. церковь еще не была вселенской и управлялась, основываясь на писании и харизме.

Подтверждение нашей мысли мы находим у прот. Николая Афанасьева (1893-1966), известного богослова-экклезиолога, профессора Свято-Сергиевского Института в Париже: «Принадлежность к Церкви не есть некоторое статическое состояние. Она означает жизнь в новом эоне, которому принадлежит сама Церковь. Жизнь в Церкви осуществляется через участие в Евхаристическом собрании, без которого не может быть Церкви. К ней принадлежит

только тот, кто, вступив в нее, участвует в Евхаристическом собрании. Поэтому новокрещенный и запечатленный непосредственно вводится в Евхаристическое собрание. Псевдо-Ареопагит называет Евхаристию «таинством таинств», которое совершенно завершает вступление в Церковь» [5, с. 77].

Далее автор размышляет над учением раннехристианского мистика Дионисия Ареопагита, главная мысль которого заключается в том, что вся церковная иерархия обязана своим существованием и легитимацией Божественной Евхаристии, Дионисий говорит о том, что земная иерархия суть продолжения небесной и Евхаристия есть связующее звено.

Далее автор исследует раннехристианские чина приема в Церковь отмечает, что «крещения водою и Духом» в них сразу предполагается участие в Евхаристии, к которой допускаются только крещенные. Прот Николай ссылается на авторов II в. Иустина Мученика и его «Апологию», и на «Апостольское придание» Ипполита Римского. Автор приходит к выводу, что сам факт крещения является подготовительным этапом, но не атрибутом активного членства в Церкви, следовательно, таинство приема в церковь содержит три момента: крещение, миропомазание и Евхаристию.

К проблематике самоидентификации церкви на заре христианства обращается и протопресвитер Александр Шмеман (1921-1983) богослов, автор ряда книг. Он начинает с I в. н.э. исследуя письма «послания» апостола Павла. «Когда вы собираетесь в церковь», – пишет ап. Павел коринфянам, и для него, как и для всего раннего христианства, слова эти относятся не к храму, а к природе и цели собрания. Само слово «церковь» – *ἐκκλησία* – означает, как известно, «собрание». «Собраться в церковь», в понятиях раннего христианства, значит составить такое собрание, цель которого – выявить, осуществить Церковь» [4, с.8]. В том же тексте ап. Павел укоряет коринфскую общину, за то, что «собираются так, что это не значит вкушать вечерю Господню» (1Кор. 11:20). Автор делает вывод, что в исторической ретроспективе бесспорно просматривается «триединство – Собрания, Евхаристии, Церкви, и о нем, вслед за апостолом Павлом, единогласно свидетельствует все раннее предание Церкви [4, с. 9], в раскрытии которого о. Александр видит основную задачу «евхаристической экклесиологии» в частности.

Автор отмечает и изменение в восприятии современными верующими евхаристического собрания: «Современный православный зачастую крайне ревностно относится к сохранению и соблюдению «древних обрядов», не придавая им, однако, никакого богословского, как теперь сказали бы, экзистенциального смысла. Раннее же христианское сознание в обряде видело прежде всего раскрытие и исполнение Церковью своей сущности, а потому и сущности каждого в ней служения, каждого призвания. В Литургии раскрывается тот образ Церкви, который она призвана осуществлять в своей жизни. И обратно – в Литургии находят своеувенчание и исполнение все служения, вся жизнь церковной общины» [4, с. 9]. В этом автор видит соотношение символа и реальности, соотношение функции члена общины с его местом в евхаристическом собрании.

Богослов и церковный историк, архимандрит Киприан Керн (1899-1960) в своих сочинениях доказывает, что Евхаристия издревле являлась центром жизни Церкви. ««Велия благочестия тайна», Воплощение Сына Божия, Стаинство, от века утаенное и несведомое ангелом», обновляется в литургической жизни христиан ежедневно в евхаристическом священнодействии. Евхаристия была, есть и будет центральным нервом христианской жизни» [7, с.19]. Автор анализирует церковное сознание не только первых христиан, но и средневековья, сравнивая его со своими современниками: «Если в наше время евхаристическая жизнь ослабела настолько, что мы утратили почти совершенно подобающее евхаристическое сознание и относимся к совершающейся в храмах Божественной Литургии, лишь как к одному из обрядов, и почитаем служение благодарственного молебствия или акафиста чуть ли не более важным в богослужении, то во времена подлинной церковной жизни было не так. Евхаристия в сознании древних византийцев и москвитян до XV–XVII вв. была основой и завершением всей богослужебной жизни. Последующая жизнь dokonчила постепенно совершавшийся процесс расцерковления быта. Все то, что концентрировалось

около Евхаристии, как центра богослужебной жизни, все таинства, молитвословия и чинопоследования Православной Церкви постепенно превратились в сознании христиан в частные требы, стали частным делом данного человека, данной семьи, до которого соборному сознанию общины, казалось бы, нет и дела. Между тем, как во времена древнейшие, апостольские, так и в период роста и расцвета церковного сознания, в Византии, да и в древней Руси дело обстояло не так. Все, совершавшееся в церковной и храмовой жизни христиан, концентрировалось около Литургии, связывалось с ней, включалось в ее состав» [7, с. 64]. Далее автор указывает на то, что исторически все т. н. Церковные таинства некогда имели неразрывную, генетическую связь с таинством Евхаристии, да и многие другие священнодействия и обряды – «так или иначе приурочиваются ко времени Литургии или даже введены в ее состав» [7, с. 77].

Проф. Керн сетует, что в сознании современных верующих Евхаристия является лишь одним из обрядов, хотя некогда она была центром жизни всей общины, всей церкви, сейчас же, произошла атомизация церковного сознания.

В евхаристической модели, ныне здравствующего, митрополита Иоанна Зизиуласа (род. 1931 г.) мы находим те же фундирующие элементы, что и у Афанасьева, – евхаристию, собрание и предстоятеля. Однако схема взаимодействия и автора имеет иную иерархию — проблема границ церкви решается иначе. Акценты перенесены с евхаристического собрания на предстоятеля, т. е. согласно модели Зизиуласа, центром является епископ. Современная структура Церковного устройства несколько расходится с теоретическими представлениями Зизиуласа, и поместной церковью приходится считать епархию, а не приход (т.к. епископы стоят только во главе епархий, за редким исключением — это викарии). Тем не менее, для митрополита Иоанна связь епископа с церковью должна сохраняться даже в ущерб евхаристическому собранию: «Не случайно именно епископ является критерием церковности кого-либо. Иными словами, епископ решает, является какое-либо лицо членом Церкви, или не является. И это не потому, что так когда-то решили, но потому, что как Предстоятель он тот, через кого проходит вся жизнь Церкви» [2, с. 34].

В отличие от Зизиуласа, Афанасьев не настаивает на том, что служения предстоятеля должно соотноситься сану епископа, согласно его историческим исследованиям епископское служение формируется «эволюционным» путем, изначально как служение старшего пресвитера. Митрополит Иоанн настаивает, что епископское служение существовало обособлено уже на заре христианства. Конечно, автор отмечает, что только в рамках Евхаристического Собрания мы можем правильно определять идентичность Церкви, но далее он формулирует концепцию «один - многие» суть которой автор выражает так: «предстоятель Евхаристического Собрания, т.е. Епископ, от имени которого Божественная Евхаристия совершается и на приходах, становится центром, через который проходят все упомянутые виды деятельности Церкви. Не случайно именно епископ является критерием церковности кого-либо. Иными словами, епископ решает, является какое-либо лицо членом Церкви, или не является. И это не потому, что так когда-то решили, но потому, что как Предстоятель он тот, через кого проходит вся жизнь Церкви» [2, с. 37]. Несколько выходя за рамки собственно христологии, владыка Зизиулас переносит принцип «один– многие» на епископа и даже на Вселенскую Церковь, это положение его богословской системы следует назвать наиболее спорным и наименее богословским обоснованным.

Итак, Евхаристическая еkkлесиология представляет собой цельное и связанное учение, предлагающее альтернативу универсальной еkkлесиологии. В этом одна из его притягательных сторон. Поэтому неудивительно то влияние, которое о. Николай оказал на свое окружение: отзвуки его идей встречаются почти у всех коллег и учеников Афанасьева по Свято-Сергиевскому институту, когда они затрагивают еkkлесиологические проблемы.

Но мы видим, что теоретические положения данной религиозно-философской модели получили реальное воплощение в жизни — в жизни народа государства Украина. Проблема границ церкви ныне находится на всеобщем обозрении, теперь это не только вопрос верующих, но острая общественно-политическая проблема. Примечательно, что одним из

идеологов вмешательства во внутренние дела верующих Украины является упомянутый нами исследователь митрополит Иоанн Зизиулас, второе лицо в Константинопольском Патриархате, его религиозно-философские воззрения и интерпретация идей богословов «парижской школы» отражаются в реальной жизни реальных людей. Будем надеяться, что то наследие, которое оставила нам «парижская школа» будет правильно интерпретировано и использовано для созидательных целей.

В заключении приведем слова (высказанные еще до упомянутых нами событий на Украине) из статьи «Православная церковь и третье тысячелетие» митр. Пергамского Ионна Зизиуласа: В «Церковь проникли – особенно у нас, православных – национализм и этнофилетизм. Идея автокефалии превратилась в автокефализм, то есть в использование Церкви для обслуживания государственных или национальных интересов. Положение православной диаспоры в XX веке – это прямое, открытое нарушение принципов православной экклезиологии. Без всякого сомнения, мы не можем удовлетвориться подобной ситуацией, хотя, к сожалению, она «благословляется» на самом официальном уровне» [3].

Библиографический список

1. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с посягательством Константинопольского Патриархата на каноническую территорию Русской Церкви. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5283708.html>
2. Иоанн (Зизиулас), митр. Церковь и Евхаристия: сборник статей по православной экклезиологии / Пер. с греч. Иером. Леонтия (Козлова). – Богородице-Сергиева Пустынь, 2009.
3. Митрополит Иоанн Зизиулас Православная церковь и третье тысячелетие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Ziziulas/pravoslavnajaj-tserkov-i-trete-tysjacheletie/
4. Прот. Александр Шмеман. Евхаристия Таинство Царства. – М.: Паломник, 2010. – 304 с.
5. Протоиерей Николай Афанасьев. Вступление в Церковь. – Спб.:2013. – 442 с.
6. Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/prostrannyj-pravoslavnyj-katekhizis/
7. Архимандрит Киприан (Керн), проф. Евхаристия. – М.:2001. – 335 с.

Тумялис Л.Я., магистрант кафедры философии и культурологии
Маркин В.В., к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

ЖИЗНЬ, ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА

Аннотация: *Статья передает взгляд на актуальную проблему современного общества в период религиозного ренессанса. Церковь, Культуру и нашу жизнь объединяет их многогранность. В одних гранях можно увидеть и воплотить высшие цели, в других обмануться и утвердиться в бессмысленности и бесцельности бытия. Современное общество заново пытается выстроить взаимоотношения между религией и культурой. Определить и дать точную оценку этих отношений весьма сложно. На протяжении всего исторического периода они были неоднозначными и противоречивыми, а после почти векового застоя атеизма в нашей стране сделать это еще сложнее. Антимония между культурой и церковью сохраняется. Диалог между Церковью и культурой продолжается.*

Ключевые слова: Культура, Церковь, Православие, русская культура, духовность, религиозная философия, взаимоотношения.